

Огонь уже разожгли, перед очагом стало тепло и уютно. Пламя освещало лицо Чжао Цзинцина, и в его тёплом свете оно казалось менее бледным, обретая румянец. Мерцающие блики огня подчёркивали его красивые черты.

Юань Му подумал, что тот слишком худой, и если поправится, то станет ещё красивее.

Осознав, о чём думает, Юань Му с лёгкой неловкостью отвёл взгляд, прокашлялся и спросил:

- Состояние улучшилось?

Чжао Цзинцин поднял голову:

-Да, намного лучше.

- Осталось выпить ещё две порции лекарства, после них, должно быть, полностью поправишься,
- сказал Юань Му.

- Угу, - Чжао Цзинцин подбросил хворостину в очаг.

Его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но не решался. Юань Му продолжил:

- Вчера вечером я ходил в твой дом, забрал все свадебные подарки и вернул серебро. Вчера я сказал, что подарю другие подарки. Я вот как думаю: столы и стулья новые, нам не нужно заказывать новые. Два лян серебра оставим тебе на собственные нужды, ещё сошьем тебе два комплекта одежды и две пары обуви. Как тебе?

Чжао Цзинцин немного помедлил:

-Вчера мой отец сказал, что вещи, которые были в употреблении, нельзя вернуть в качестве выкупа за невесту...

- Он так считает, а я - нет. Разве можно так скупиться, когда я беру в жёны супруга? Я ведь не бедствую, - Юань Му поднял глаза, мельком взглянув на Чжао Цзинцина, и помешал лопаткой кипящие в котле зёрна риса. - Я с радостью дарю это тебе, просто прими.

В глазах Чжао Цзинцина отразились прыгающие язычки пламени. Он кивнул:

-Хорошо.

Юань Му сцедил порцию рисового отвара в миску, а рис переложил в пароварку. Они сидели молча, в кухне слышался лишь треск горящих дров. В этот момент раздался голос Лин Цуйе.

- Юань Му, так рано встал готовить? - Она говорила, заходя в кухню. - Сходи поймай старую курицу и зарежь, ту, у которой облезли перья на заднице. Сварим суп для Цзинцина, чтобы подкрепить его, взгляни только, какой он худой.

Куры были для крестьян маленьким источником дохода, и обычно их не резали без особой нужды. Даже семья Юань, жившая зажиточнее большинства деревенских, не была исключением.

Та, которую велела поймать Лин Цуйе, почти не неслась, а если не несётся, но ест зерно - лучше её зарезать.

- Ладно, - отозвался Юань Му и кивком указал на место за очагом.

Чжао Цзинцин встал:

-Мама.

Выражение лица Лин Цуйе на мгновение застыло, затем она улыбнулась и спросила его, почему он так рано встал и чувствует ли он себя лучше. Чжао Цзинцин ответил на все вопросы.

Лин Цуйе сказала:

-Сейчас сельскохозяйственный сезон закончился, дел мало, поспи подольше. Когда начнётся страда, спать будет некогда.

Чжао Цзинцин кивнул в знак согласия. Лин Цуйе, увидев, что он одет легко и цвет одежды старомодный, протянула руку, чтобы проверить толщину его одежды, но Чжао Цзинцин инстинктивно съёжился, подняв плечи.

Все трое замерли в оцепенении.

Когда боль не последовала, Чжао Цзинцин наконец осознал произошедшее. Он попытался улыбнуться, но не знал, что сказать.

Лин Цуйе сделала вид, будто ничего не произошло, и просто потрогала его одежду. На ощупь вата почти не чувствовалась. Лин Цуйе нахмурилась:

-Ты в этом ходишь? Не замёрз?

--«М-м... не замёрз, - ресницы Чжао Цзинцина дрогнули, и он опустил глаза.

Лин Цуйе в душе тяжело вздохнула. Вчера отец Чжао и Ли Чанцзюй были одеты тепло и хорошо, а Чжао Цзинмин, неродной брат, тоже был хорошо одет. А родному сыну досталось такое обращение.

Вчера Ли Чанцзюй при всех, при родном отце, могла ругать и бить Цзинцина, и можно было представить, какую жизнь он вёл дома.

Лин Цуйе пожалела его. Она вышла и, вернувшись, принесла в руках безрукавку цвета морской волны, отороченную белым мехом. Выглядела она тёплой и плотной. Лин Цуйе сказала:

-Цзинцин, примерь, подойдёт ли?

Чжао Цзинцин растерялся. Юань Му сказал:

-Быстрее примерь.

Только тогда Чжао Цзинцин подошёл, надел безрукавку. Плотная подкладка прилегла к груди и спине, и мгновенно холодная спина согрелась. Длина была как раз.

- Хорошо сидит, носи её, - Лин Цуйе похлопала его по спине и повернулась разбирать оставшиеся со вчерашнего пира блюда, чтобы разогреть их и съесть с утренней кашей.

Чжао Цзинцин снова сидел у очага, опасаясь испачкать одежду золой и бережно к ней относясь. Его сердце наполняли горечь и тепло. После смерти матери у него никогда не было новой одежды, он донашивал то, от чего отказывались Чжао Цзинмин и Ли Чанцзюй.

Зимняя одежда, которую он носил несколько лет, была прошита ватой, твёрдой как железо, холодной и жёсткой.

Он потрогал край одежды, погладил меховую оторочку, и уголки его губ задрожали, выдавив легкую улыбку. Радость переполняла его.

Лин Цуйе разогрела еду и позвала всех завтракать. Юань Му вошёл, неся ошипанную старую курицу.

Чжао Цзинцин расставлял чашки и палочки для еды. Глядя на энергичную спину Лин Цуйе и на Юань Му с курицей, он подумал: «Они такие хорошие».

Отец Юань сидел на ступеньках под карнизом и курил табак, но Лин Цуйе отругала его, и он, смущённо убрав трубку, поднялся и вошёл в дом.

Юань Син вышел из комнаты сонный и, увидев Чжао Цзинцина, радостно окликнул его:

-Брат Цзинцин!

Он покружился вокруг Чжао Цзинцина, разглядывая его.

- Тебе эта безрукавка как раз.

Чжао Цзинцин понял, что это тот самый Син, о котором так часто говорила Лин Цуйе. Услышав это, он смутился.

Он не знал, что безрукавка была взята у Юань Сина. С первого взгляда было видно, что она новая. Он только вошёл в семью, а уже забрал у кого-то новую одежду.

-Я... я сниму и верну тебе...

- Что? - Юань Син замахал руками. -Носи её. Мама сказала, что сошьёт мне новую.

Он заглянул в главный зал и, увидев, что мать не смотрит в их сторону, понизив голос, пожаловался:

-Мама говорит, что я расту, и одежду нужно шить с запасом, но на мне она слишком большая и совсем некрасивая. А на тебе хорошо сидит. Брат Цзинцин, когда мама будет шить мне одежду, уговори её сшить мне по фигуре, ладно?

Чжао Цзинцин был рад возможности носить новую одежду, но он не знал, сможет ли он уговорить Лин Цуйе. Юань Син смотрел на него с надеждой. Ему подарили новую одежду, и Чжао Цзинцин тоже хотел сделать для него что-то.

-Я... я попробую.

Юань Син взял его за руку и запрыгал от радости:

-Брат, ты такой хороший!

Лин Цуйе крикнула из главного зала:

-Завтракать!

Юань Син потянул Чжао Цзинцина в дом:

-Я хочу сидеть рядом с братом!

Чжао Цзинцин всё ещё пребывал в лёгком оцепенении, даже когда сел и взял палочки. Ему тоже разрешили сесть за стол.

На завтрак была жидкая каша - половина чашки риса, половина - отвара, она дымилась паром. Со вчерашнего пира осталось много еды, на столе было мясо, ещё два блюда и тарелка маринованной редьки - очень обильно.

Лин Цуйе сказала:

-Цзинцин, ешь хорошо, после еды выпьешь лекарство.

Чжао Цзинцин кивнул:

-Да.

В семье Юань не было правила не разговаривать за едой. Юань Му, когда насытился наполовину, во время очередной порции риса объявил:

-Отец, мама, я хочу сходить в горы ещё раз, пока их не замело снегом.

<http://bllate.org/book/12901/1133718>